

УДК 811.133.1 (075.8)

КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС:
«l'hospitalité/l'hostilité»

З. Н. Афинская

Кандидат филологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

CULTURAL AND COGNITIVE DISSONANCE:
"hospitalité / l'hostilité"

Z. N. Afinskaya

Candidate of Philological Sciences,
assistant professor,
Moscow State University
named after M. V. Lomonosov,
Moscow, Russia

Abstract. The ancient custom of hospitality as a social act is an appointment, the contact with "others", and in linguistic and cognitive perspective – the dialogue and exchange of information. This socially significant event involves two role of actant – the landlord, on the one hand, and on the other hand. The semantics of a word are initially marked un hôte complex motivation: on the one hand, this refers to a person (stranger, enemy), on the other, the one who provides hospitality, i.e. the owner of the house. Cognitive dissonance inherent historically in the word hôte, reproduced in the hospitalité and concepts hostility.

Keywords: linguistic culture; concept; custom; right; West-East.

Гостеприимство – один из древнейших ритуалов общения, однако практика этого социального акта в разных этнокультурах обнаруживает значительные различия. Будучи одной из моральных ценностей, религиозных по своему существу (и не только христианских), претерпев существенные изменения в секуляризованном французском обществе, гостеприимство в силу возрастания миграционных потоков стало одной из актуальных социальных проблем XX и XXI веков, привлекая внимание лингвистов, философов, социологов, культурологов (E. Benveniste, J. Derrida, Gotbout J.-T, Mestre Cl., Moro M.-R. Montandon A., Ярославский Е. и др.).

Жак Деррида в своих эссе о феномене *l'hospitalité* во французской лингвокультуре обратил внимание на глубинный амбивалентный фон и семантическую связь двух, казалось бы, несовместимых понятий - *l'hospitalité* и *l'hostilité* (гостеприимство и враждебность). Этот когнитивный диссонанс он выразил неологизмом *l'hostipilité* (**гостевраждебность*), который отражает сложную семантическую историю, связанную изначально со словом *hôte* (гость).

Гостеприимство и его ритуал (приглашение, прием гостей, предоставление ночлега и еды) подразумевает общение с *другим*, когда сама «речь становится гостеприимством»: «L'invitation, l'accueil,

l'asile, l'hébergement passent par la langue ou par l'adresse à l'autre... le langage est l'hospitalité» – «приглашение, прием, убежище, ночлег происходят в языке или в обращении к другому... речь и *есть* гостеприимство. – Пер. З. А.)» [13, с. 119]

Проблема взаимоотношений между людьми и выражения этих проблем в процессе речевой деятельности является одной из ключевых для когнитивной лингвистики, так как, согласно Е. С. Кубряковой, «речевая деятельность есть не только манифестация системы языка, но и проявление индивидуального опыта и индивидуальных знаний этой системы говорящими...» [7, с. 186].

В дальнейшем будет представлен краткий историко-этимологический и лингвокультурный обзор развития этих концептов в качестве проблемы когнитивной лингвистики, так как она, по словам О. В. Александровой, «объединяет и интегрирует разные области человеческого знания и опыта в области изучения культурных, социальных, исторических, антропологических и других знаний о жизни и окружающей среды» [1, с. 12].

Можно с уверенностью утверждать, что актуальность концепта *гостеприимство* связана в настоящее время с социополитическим контекстом, однако, лингвокогнитивную основу для его всестороннего анализа составляют, в первую очередь, исследования Э. Бенвениста, посвященные тем словам индоевропейского наследия, которые стали константами европейской концептосферы и ключевыми терминами французской социополитической терминологии.

В латинском языке «гость» обозначается словами *hostis* и *hospes*, где основным является термин *hospes* (1. чужестранец, чужак, гость; 2. оказывающий гостеприимство, хозяин) [8]. Морфологический анализ позволяет, согласно Э. Бенвенисту, обнаружить сложную смысловую наполненность слова <*hostipet-*>, которая показывает как два разных слова (*hostis* и *hospes*) в результате исторического развития слились в одно, которое должно означать «хозяин гостя». Латинское *hostis* имеет соответствие в готском (*gast*) и, что

особенно интересно, – также и в русской лексике: старославянское «*gos-podi* 'хозяин' образовано подобно *hospes*». Но в латинском *hostis* означает 'враг', а в готск. и ст-слав. – *гость*. Э. Бенвенист выдвинул гипотезу, которая была в дальнейшем принята научным сообществом, о том, что оба значения связаны семантически с значением 'чужестранец' (*xenos), что позволяет предположить следующую логическую последовательность: *чужестранец с добрыми намерениями* – гость, а *чужестранец с недобрыми намерениями* – враг. «Слово *hostis* первоначально обозначало равенство отношений между людьми в результате действия компенсации даров, обмена и т.п.; *hostis* – это тот, кто получил от меня подарок, отвечает мне тем же», – пишет Э. Бенвенист [2, с. 74]. Однако статус гостя менялся на протяжении многих веков. «Когда древнее общество превращается в нацию, – заключает Э. Бенвенист, – отношения, устанавливаемые между отдельными людьми и родами, отмирают; остается лишь различие между тем, что является внутренним, и тем, что является внешним по отношению к *ciuitas*, гражданскому обществу» [2, с. 79]. По неизвестным до сих пор причинам, слово *hostis* стало значить 'враждебный', и с тех пор, отмечает Бенвенист, оно стало употребляться только в этом значении, отражая в своей семантике изменения, произошедшие в римском законодательстве, ставшего основой западноевропейских установлений.

Действительно, в дохристианском обществе чужестранец воспринимался преимущественно как враг, по отношению к которому не действуют никакие законы и установления. Чувство недоверия и враждебности к иностранцу было обратной стороной той солидарности и поддержки, на которых держалось единство племени или рода. Гостеприимство было скорее исключением в правилах поведения родового общества. Первые институциональные правила гостеприимства возникают в Древнем Риме вместе с римским правом. Чужестранец, не будучи гражданином, лишен всех прав; его судьба и существование находится полностью во власти

принимающего его хозяина дома. Именно хозяин дома предоставляет на свое усмотрение кров, пищу, защиту своему гостю, позволяя ему под свое рекомендацию и защиту, обосноваться в чужой стране. Этот добровольный акт общения мог подкрепляться официально особым актом (*sponsio*) (прообразом современного спонсорства), а также рукопожатием, обменом памятными знаками (отсюда – традиция подарков), особыми грамотами, согласно которым все представители двух родов и их потомки должны оказывать друг другу гостеприимство. Конвенции о гостеприимстве заключались также между римскими и иностранными городами (*hospitium publicum*) как прообраз будущих пактов о ненападении, как идея о городах-побратимах. Таким образом, римское право впервые в истории узаконило древний обычай гостеприимства между гражданином полиса и чужеземцем (особые грамоты, значки и церемонии), между римским и иностранным городом (конвенции о гостеприимстве). Постепенно внедрение в жизнь правовых институтов подтачивало принцип равенства между чужеземным гостем и хозяином дома: чем больше чужеземец был защищен римским правом, тем меньше принимающая сторона несла ответственности за своего гостя [15].

С принятием христианства гостеприимство обрело статус нравственной нормы отношений между богатыми и нищими, которых считали посланцами высших сил, и к которым следовало относиться милосердно. Тема бескорыстной встречи гостя и хозяина в древнем христианском обществе представлена в новелле Г. Флобера «Легенда о Св. Юлиане»: «Иногда в глубине долины появлялся караван вьючных животных с погонщиком в восточной одежде. Хозяин замка, увидев, что это купец, посылал за ним слугу. Чужеземец доверчиво сворачивал с пути; введенный в приемную, выкладывал из своих ларей куски бархата и шелка, золотые и серебряные изделия, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления; и под конец уходил с большой прибылью, не потерпев никакого

насилия... Иной раз у дверей стучалась толпа паломников. Их мокрые одежды дымились перед очагом. Насытившись, они рассказывали о своих странствиях: о блуждании кораблей по вспененному морю, о переходах по раскаленным пескам, о свирепости язычников, о сирийских пещерах, яслях и гробе господнем; потом они дарили молодому господину раковины со своих плащей» [10, с. 71–74] Флобер отразил главные аспекты понятия *гостеприимство*, сформировавшиеся в ранне-христианском мире, где странник воспринимался как посланец Бога: 1) акторы (*хозяин замка, купец, чужеземец, паломники*); 2) обряды (*угощенье, «насытившись»*); 3) обмен дарами от гостей («куски бархата и шелка, золотые и серебряные изделия, благовония, диковинные предметы неизвестного употребления») и от хозяина (прибыль от проданного товара в качестве материальной поддержки); 4) эмоциональное наполнение встречи (обоюдная доверчивость, отсутствие враждебных намерений и проявлений, радушие).

Статус гостя и хозяина подвергся трансформациям в период крестовых походов, когда произошло столкновение западной (христианской) культуры и религиозных устоев Востока. Так, во время крестовых походов, начиная с IX в., возникали ордена и конгрегации госпитальеров, монашеских орденов, призванных оказывать военную и медицинскую помощь крестоносцам, как например, орден Иоаннитов, военно-монашеский католический орден, созданный в Палестине крестоносцами в начале XII в. В Париже, начиная с XII в. основывается несколько женских монастырей (*Les hospitalières de Saint-Augustin*) и больниц (*l'hôpital Sainte-Catherine*), которые предоставляли ночлег, питание и лечение паломникам, бездомным мужчинам и женщинам, оказавшимся без средств существования. С этого времени концепт «больница» (*l'hôpital*) стал основой представлений о гостеприимстве (*l'hospitalité*) во французской лингвокультуре, что подтверждается данными французских энциклопедических и этимологических словарей, где *гостеприимство* фи-

гурирует только внутри словарной статьи l'hôpital [12; 15].

С конца XIX века гостеприимство во Франции становится государственной политикой в отношении лиц без различия их национальности и религии, но которым вменялось соблюдение определенных правил поведения и гигиены в государственных пансионах, ночлежках для бездомных (l'asile Benoît-Malon, l'asile Nicolas-Flamel).

В русской культуре обычай гостеприимства сопряжен с такими мотивами, как угощение, хлебосольство, радушие, приветливость, трапеза. В словаре М. Фасмера слово *гость* имеет в качестве синонимов такие слова как *чужестранец, приезжий купец* [9], что говорит о значимости экономического содержания этого термина. Согласно Большой российской энциклопедии, *гости* в др.-рус. государстве, в княжествах и землях – это «категория купцов, занятых, гл. образом, внешней торговлей, и иностранцы» [3]. Помимо включения фактора современности (замена архаичного *чуже-*, на актуальное, менее категоричное и несущее более нейтральные эмоции и более привлекательное в сфере современной русской языковой личности *ино-*), подчеркивается роль внешней торговли, основного источника создания богатства в докапиталистическом обществе. Понятие *гость* в средневековой культуре ассоциировалось не только с паломниками и купцами, которым надо было предоставлять ночлег и пищу, но и с недругами, от которых надо защищать свой дом и свое хозяйство. Вплоть до конца XVIII века, гостями называли крупных купцов, которые объединялись в корпорации (гостиные сотни, торговавшие в гостиных дворах). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в семантике слова *гость* на протяжении веков значимым было экономическое содержание, а не *враждебность*. *Враг* (предполагаем, что и этимологически и когнитивно связанное с ним *варяг*) был антонимом *гостя*, и следовательно, антиподом тому, кто оказывает гостеприимство, и тому, кто им пользуется.

Между тем, ситуационное неравенство между гостем и хозяином сохранялось в

восточной культуре, где гость обладал большими правами: хозяин дома обязан предоставить гостю прием, угощение, ночлег и защиту. Радушие и щедрость в отношении гостя и одновременно отсутствие доверительных отношений с ним характеризуют обычаи восточного гостеприимства вплоть до настоящего времени. «Они (алжирцы – З. А.) могут стать твоими друзьями (да еще какими!), – замечал А. Камю, – но никогда не будут относиться к тебе доверительно» [5, с. 439]. Столкновение двух культур (Запада и Востока), их взаимное непонимание и отторжение представлено Альбером Камю в его новелле «L'Hôte», где запечатлены особенности гостеприимства в колониальном обществе, пораженном гражданской войной. Актеры: 1) Daru, l'instituteur... qui vivait presque en moine; 2) арестованный за убийство жены араб, которого Дарю должен был доставить в тюрьму в местный город, так как он по законам Франции был обязан помогать полиции). Обряды: 1) угощение – le thé как только араб появился в доме Дарю; le cafe, les galettes на следующее утро;). Эмоциональное наполнение (Salut, allez-vous rechauffer, nous y serons plus à l'aise, couche-toi là, c'est ton lit, но также постоянная настороженность Дарю, ожидание нападения, отсутствие агрессивности у араба). Обмен дарами (только со стороны хозяина: un paquet avec des biscottes, des dattes et du sucre в дорогу и небольшая сумма денег, которую Дарю дал арабу). «Гость» и хозяин практически не разговаривают, так как араб плохо говорит по-французски. Вернувшись домой, дарю обнаруживает на классной доске угрожающее послание: «Tu as livré notre frère. Tu paieras» [6, с. 43]. Кто является, по сути, гостем и хозяином в колонии, и каковы могут быть ее ритуалы, что важнее – закон или мораль? Дарю понимает, что его гуманное отношение к арабу не делает его «своим» в этой чужой стране: «Dans ce vaste pays qu'il avait tant aimé, il était seul» [6, с. 55].

В ракурсе современной французской социокультурологии *гость* – это, прежде всего, *чужой*, и это качество вызывает если не открытую враждебность, то, как ми-

нимум, некую настороженность, на что обращает внимание А.Монтандон: «L'hôte est par essence étranger et autre, et cette fondamentale altérité est dangereuse» [17, с. 65]. («Гость, по существу, – иностранец и другой, и это фундаментальное отличие опасно» – пер. З. А.). Основными мотивами гостеприимства выступают такие слова, как *другой* и *опасность*. Напротив, становятся второстепенными мотивы *доверчивость*, *угощение*, *дары*, *рассказы о далеких странах* – своеобразный обмен информацией как одна из практик межкультурного общения.

Обычай гостеприимства сопряжен не только с радушием, но и с настороженным отношением к чужому вплоть до враждебности. Именно этот аспект концепта *гостеприимство* стал предметом философских размышлений Жака Деррида. Опираясь на исследования слова *hostis*, проведенные Бенвенистом, Деррида объясняет взаимосвязь понятий *гостеприимство/враждебность*, исходя из полномочий *хозяина дома* (*potis, potens*), которые обязывают его «de choisir, d'élire, de filtrer, de sélectionner ses invités, ses visiteurs ou ses hôtes, ceux à qui il décide d'accorder l'asile, le droit de visite ou d'hospitalité... Je veux être maître chez moi... pour pouvoir y recevoir qui je veux. Je commence à tenir pour un étranger indésirable, et virtuellement pour mon ennemi, quiconque empiète sur mon «chez-moi»,... sur mon pouvoir d'hospitalité, sur ma souveraineté d'hôte. Cet autre devient un sujet hostile dont je risque de devenir l'otage» («выбирать, избирать, фильтровать, отбирать своих приглашенных. Своих посетителей или гостей, тех, кому он решает предоставить убежище, право на посещение или гостеприимство... Сначала я воспринимаю как нежелательного и даже вероятного врага любого, кто нарушит «мой дом»..., мои полномочия гостеприимства, мой суверенитет хозяина. Этот другой становится враждебным субъектом, заложником которого я могу стать» – пер. З. А.) [13, с. 53].

Гость вторгается не только в физическое пространство дома, но и, благодаря общению, во внутренний мир (*l'intérieur*) хозяина дома, в его жизненное простран-

ство, создавая тем самым определенное эмоциональное напряжение: «l'hospitalité, c'est recevoir chez soi et être reçu par quelqu'un chez lui, dans son espace» [14, с. 46]. («Гостеприимство означает принимать у себя дома и быть принятым кем-либо у себя в своем пространстве» – пер. З. А.)

В русском языке *гость*, *гостеприимство*, *угощение*, *гостинец* – однокоренные слова, взаимодействие которых в тезаурусе языковой личности создает концептуальную сферу, в котором субъект и действие объединены единым когнитивным процессом. Это единство обнаруживается в сфере паремии, в пословицах и поговорках: Гости пришли глотать кости. Угощайтесь, чем Бог послал. Гость гостит покуда его угощают [4]. Тогда как во французском языке слова *un hôte, l'hospitalité, la régalarde* (угощение) не только не составляют концептуального единства, но, напротив, они дают, скорее, пример когнитивного диссонанса. *Qui compte sans son hôte compte deux fois* (ср. скупой платит дважды), – утверждает французская пословица, напоминая об «экономическом» аспекте приема гостей. *Un hôte* и *l'hospitalité* объединены в когнитивной ассоциации благодаря понятию *l'hôpital*, тогда как в русской лингвокультуре слова *гость*, *гостеприимство* и *больница* не образуют когнитивного единства. Однако, радушный прием, схожий с русским хлебосольством, сохраняется во французских семьях в провинции Бретань, придерживающихся традиционных, патриархальных обычаев. Как отмечает Евг. Ярославский, «радушие и уважительное поведение крестьян принимающих в своем доме нищих, объединяет, на первый взгляд, два совершенно разных и географически удаленных народа: русских и бретонцев» [11, с. 51].

Гостеприимство в обществе, основанном на принципах либеральной демократии, в котором предполагается разделение сфер личной и государственной сфер жизни, регулируется законами о приеме беженцев (политических и нелегальных беженцев, мигрантов). Обычай гостеприимства, став объектом государственной политики, т. е. оторванным от жизни кон-

кретной личности или семьи, утратил в современном французском обществе свою былую значимость, вследствие чего, по мнению М. Р. Моро и Кл. Мэстр, общество становится все более «негостеприимным» [16, с. 411–415]. Возникает вопрос о том, насколько термин «гостеприимство» соответствует государственной политике относительно массовой миграции, предполагающей обеспечение государством длительного проживания вплоть до получения гражданства, работы и предоставление материальных средств.

В качестве кратких выводов проведенного исследования следует отметить несколько позиций:

1. Гостеприимство с древних времен было культурно значимым обычаем жизни семьи, которая в силу разветвленной сети родовых контактов, практически постоянно была вовлечена в процесс приема гостей, предоставления ночлега, угощения и иного вида общения, а также защиты своего имущества от врагов.

2. Гостеприимство в качестве социокультурной практики подразумевает встречу двух акторов (хозяина и гостя), их диалог, обмен информацией. В современном европейском обществе гостеприимство в виде радушного приема «чужого» постепенно истончается, так как общение, благодаря современным средствам коммуникации, стало обыденной и ежеминутной практикой, где *чужому* (страннику в древнем обществе) обеспечена государственная защита и безопасность, а питание и медицинская помощь оплачиваются согласно их товарной стоимости.

3. Когнитивный диссонанс, заложенный в этимологии слова *l'hôte*, значим в концептах *l'hospitalité* и *l'hostilité*. При современном уровне технологизации и информатизации общества становится все сложнее придерживаться многих ценностей, которые некогда были ему присущи. Ритуал гостеприимства обязывает хозяина и гостя сохранять коммуникативную дистанцию «свой-чужой», и это фундаментальное позиционирование хранит в себе опасность непонимания вплоть до неприятия.

Библиографический список

1. Александрова О. В. Изучение языка как важнейшей составляющей науки // Филологические науки. – № 3. – 2007.
2. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. акад. Ю. С. Степанова. – М., 1970.
3. Большая российская энциклопедия. Т. 7. – М., 2007.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 1. – М., 1981.
5. Камю А. Маленький путеводитель по городам без прошлого / Соч. в пяти томах. Т. 3. – М., 1997.
6. Камю А. Новеллы. – Л., 1980.
7. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М., 2012.
8. Латинско-русский словарь / под ред. С. И. Соболевского. – М., 1949.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах / пер. с нем. и доп. Акад. РАН О. Н. Трубачева. – М., 2004.
10. Флобер Г. Собр. соч. в пяти томах. Т. 4. «Легенда о св. Юлиане». – М., 1956.
11. Ярославский Евг. Нищие всегда ожидаемы в доме крестьянина (Традиции гостеприимства в Бретани и в России в XIX веке)/Традиционные и современные модели гостеприимства. Материалы российско-французской конференции. – М., 2004.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire étymologique et historique. – Paris : LAROUSSE, 1971.
13. Derrida J. De l'hospitalité/Anne Dufourmantelle invite Jacques Derrida à répondre DE L'HOSPITALITÉ. – Paris, 1997.
14. Gotbout J.-T. Recevoir, c'est donner//Communications n°65, 1997.
15. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. – Paris, 1873, t. 9.
16. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers ? // L'Autre, 2005/3.
17. Montandon A. Le livre de l'hospitalité. – Paris, 2004.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aleksandrova O. V. Izuchenie yazyika kak vazhneyshey sostavlyayushey nauki // Filologicheskie nauki. – № 3. – 2007.
2. Benvenist E. Slovar indoeuropeyskih sotsialnyih terminov / per. akad. Yu. S. Stepanova. – M., 1970.
3. Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya. T. 7. – M., 2007.
4. Dal V. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyika. Tom 1. – M., 1981.
5. Kamyu A. Malenkiy putevoditel po gorodam bez proshlogo / Soch. v pyati tomah. T. 3. – M., 1997.
6. Kamyu A. Novellyi. – L., 1980.

7. Kubryakova E. S. V poiskah suschnosti yazyika: Kognitivnyie issledovaniya.– M., 2012.
8. Latinsko-russkiy slovar / pod red. S. I. Sobolevskogo. – M., 1949.
9. Fasmer M. Etimologicheskii slovar russkogo yazyika. V chetyireh tomah / per. s nem. i dop. Akad. RAN O. N. Trubacheva. – M., 2004.
10. Flober G. Sobr. soch. v pyati tomah. T. 4. «Legenda o sv. Yuliane». – M., 1956.
11. Yaroslavskiy Evg. Nischie vseгда ozhidaemyi v dome krestyanina (Traditsii gostepriimstva v Bretani i v Rossii v HIIH veke)/Traditsionnyie i sovremennyye modeli gostepriimstva. Materialyi rossiysko-frantsuzskoy konferentsii. – M., 2004.
12. Dauzat Al., Dubois J., Mitterand H. Nouveau dictionnaire etymologique et historique. – Paris : LAROUSSE, 1971.
13. Derrida J. De l'hospitalite / Anne Dufourmantelle invite Jacques Derrida repondre DE L'HOSPITALIT L'HOSPITALITE. – Paris, 1997.
14. Gotbout J.-T. Recevoir, c'est donner//Communications n°65, 1997.
15. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. – Paris, 1873, t. 9.
16. Mestre Cl., Moro M.-R. Comment sommes-nous devenus si inhospitaliers ? // L'Autre, 2005/3.
17. Montandon A. Le livre de l'hospitalité. – Paris, 2004.

© Афинская З. Н., 2016